

Самохин Константин Владимирович

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Статья посвящена исследованию военного фактора как механизма российской социальной модернизации во второй половине XIX – первые годы XX века. Автор ставит в качестве основной цели анализ влияния Крымской войны на переход Российской империи от аграрного общества к индустриальному в социальном плане. Акцентируется внимание на необходимости органичности модернизационных процессов в России как залогом их успешной реализации. Основным выводом является положение о том, что Восточная война 1853-1856 гг. стала очередным "Вызовом", определившим продолжение российской модернизации, и в первую очередь социальной, выразившейся в росте социальной мобильности и урбанизации российского населения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 168-172. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

REGIONAL PRACTICES OF “STRATEGY 2020” IMPLEMENTATION: GENERAL AND SPECIAL

Savel'eva Irina Valentinovna

*National Research University “Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii”
Smogoleva.ira@mail.ru*

The author considers the problem of the formation of the national development strategy for Russia, analyzes the “Strategy of the Country Social-Economic Development until 2020” as the primary document that determines the main strategic guidelines of the Russian Federation long-term development, considers the regional practices of “Strategy 2020” implementation by the example of two regions of Volga Region Federal District – Nizhnii Novgorod and Kirov, and substantiates the necessity of the synchronization, complex and system implementation of regional strategies and the strategy of the country development as a whole.

Key words and phrases: national strategy of development for Russia; regional strategy; modernized region; subsidized region; modernization.

УДК 1:3+1:93

Философские науки

Статья посвящена исследованию военного фактора как механизма российской социальной модернизации во второй половине XIX – первые годы XX века. Автор ставит в качестве основной цели анализ влияния Крымской войны на переход Российской империи от аграрного общества к индустриальному в социальном плане. Акцентируется внимание на необходимости органичности модернизационных процессов в России как залогом их успешной реализации. Основным выводом является положение о том, что Восточная война 1853-1856 гг. стала очередным «Вызовом», определившим продолжение российской модернизации, и в первую очередь социальной, выразившейся в росте социальной мобильности и урбанизации российского населения.

Ключевые слова и фразы: Крымская война; модернизация; социальная модернизация; Россия; механизм российской модернизации; органичность российской модернизации; военный фактор.

Самохин Константин Владимирович, к.и.н., доцент*Тамбовский государственный технический университет
kon-sam@yandex.ru***СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА®**

Модернизация – процесс, пользующийся огромной популярностью среди современных отечественных политологов, социологов, философов и историков в плане различных исследовательских проектов [7]. Она заняла достойное место в указанном аспекте ещё на рубеже 80-х-90-х гг. XX века в связи со сменой исторической парадигмы в период «перестройки» и распада Советского Союза. Дополнительный импульс обозначенной тенденции придал выбор В. В. Путиным модернизации в качестве основной политической стратегии на второй срок своего президентства [6]. В итоге появилось большое количество разнообразных публикаций, посвященных различным аспектам модернизационных процессов, имевших место не только в России, но и за рубежом. Однако их значительная часть определяет термин «модернизация» упрощенно, как необходимость «обновления» или «осовременивания», что создаёт почву для редуccionизма.

Для избежания нивелирования этого явления необходимо рассматривать модернизацию как комплексный процесс, проявляющийся во всех сферах жизнедеятельности общества: в экономике намечаются основы построения рыночной системы и индустриализация; в социальной сфере имеют место рост социальной мобильности и урбанизация; в политике происходит складывание гражданского общества и правового государства; духовная сфера характеризуется возникновением мультикультурализма, базирующегося на общечеловеческих ценностях [Там же].

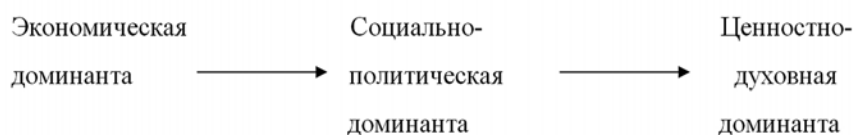
Всё вышеперечисленное придаст исследованию перехода от аграрного общества к индустриальному более высокий уровень теоретичности и обеспечит возможность сделать более глубокие и объективные выводы относительно успешности или неуспешности его проведения в условиях современной России.

Следует заметить, что начало процессу модернизации было положено в Российском государстве деятельностью Петра I в первой четверти XVIII века. Уже в этот период наметился неорганичный характер его развития, когда локомотивом выступала экономическая сфера, а три оставшиеся модернизировались либо очень слабо, либо не модернизировались в принципе [12]. Аналогичным образом выглядела ситуация и при преемниках первого российского императора: она, конечно, имела определённые особенности, но общий ход построения основ индустриального общества сохранялся [10]. Мало что изменилось в положении дел

в первой половине XIX века [11]. Таким образом, на протяжении всего периода модернизаторских усилий в Российской империи до середины XIX века в качестве главной причины медленного развития модернизационных процессов необходимо определить их неорганичность [4, с. 47].

Для полноты картины следует наметить две тенденции, проявившиеся в ходе проведения модернизации в России. Первая из них касается определяющего влияния военного фактора на переход Российского государства от аграрного общества к индустриальному. Именно войны играли, пользуясь терминологией А. Дж. Тойнби, роль «Вызова» к российской цивилизации в указанном аспекте. В качестве ярких примеров можно привести Северную войну и Наполеоновские войны [11-13].

В дополнение ко всему вышесказанному необходимо определить, что модернизация Российской империи подчинялась логике смещения вектора модернизационных процессов от экономической сферы к духовной [8]:

Другая тенденция была связана с негативным воздействием на складывание индустриального общества в России революционных процессов, которые очень часто сводили на нет и без того проблематичные модернизаторские усилия российских императоров, особенно в XIX веке.

Основной целью данной статьи является анализ развития социальной сферы в плане увеличения степени социальной мобильности и роста урбанизации во второй половине XIX века, исходя из заявленной концепции российской модернизации.

Одной из главных проблем, которые обусловили неорганичный характер перехода Российского государства от аграрного общества к индустриальному, было наличие крепостного права. Оно было центральным фактором, сдерживающим модернизационные процессы в экономике и социальной сфере на протяжении XVIII-XIX веков. Но если построение основ рыночной экономики и начало индустриализации ко второй половине XIX века уже получили своё развитие в результате, в первую очередь, Северной войны, то уровень социальной мобильности и урбанизации в Российской империи к окончанию правления Николая I необходимо оценить как очень низкий.

Ориентируясь на теорию закрепощения сословий, которая пользовалась большой популярностью в дореволюционной историографии [2, с. 118-145; 5, с. 77] и среди историков современности [5], стоит отметить, что возможностей изменить своё социальное положение у основных сословий российского населения в период оформления крепостного права и его развития было не так много. Финальной точкой в складывании указанной тенденции послужили принятие Соборного Уложения 1649 г., а также отдельные реформы Петра I. Но именно с первой четверти XVIII века начался длительный и сложный процесс отмены крепостного права в России.

Детальный анализ крепостной зависимости в Российском государстве содержится в фундаментальной монографии Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)» [Там же, с. 360-415]. Он чётко определил сущность и основные признаки этого явления, понимая под ним: «...совокупность юридических норм, закреплявших личную зависимость человека от его господина» [Там же, с. 361]. Что касается отличительных черт крепостного права, то они формулировались указанным учёным-историком следующим образом: «1) внеэкономическая, личная зависимость от господина; 2) ограничения в правах на владение частной собственностью и на совершение гражданских сделок; 3) ограничения в выборе занятий и профессии; 4) социальная незащищённость: возможность лишиться достоинства, чести, имущества и подвергнуться телесным наказаниям без суда, по воле господина» [Там же].

Б. Н. Миронов выделил, исходя из субъектов крепостнических отношений, три вида крепостного права: государственное, корпоративное и частное [Там же]. При этом различные сочетания указанных видов крепостничества были присущи для всех сословий российского населения: для дворян – государственный вид; для духовенства, городских слоёв и государственных крестьян – государственный и корпоративный; для владельческих крестьян – государственный, корпоративный и частный [Там же, с. 413].

Сам процесс отмены крепостного права носил затяжной, перманентный характер, в том числе и из-за видового разнообразия крепостных отношений. Дворянское сословие в целом было освобождено от крепостной зависимости по Жалованной грамоте дворянству 1785 г., окончательно утвердившейся в российской законодательной практике с 1801 г. Отдельные пережитки дворянского крепостного права сохранялись до начала царствования Александра II, когда представители высшего сословия в России были ограничены, к примеру, при выезде за границу согласно мерам, предпринятым Николаем I [Там же, с. 378-380].

Процесс отмены крепостного права для духовенства не получил однозначного характера. В контексте обретения личных прав представители духовного сословия были освобождены от крепостной зависимости в основном к 1862 г. Но если говорить об имущественных правах, то Русская православная церковь на протяжении всего XVIII века их утрачивала. Итогом стало практически полное подчинение церкви государству [Там же, с. 382-384].

Существенной вехой на пути отмены крепостного права для городского населения стала Жалованная грамота городам, изданная Екатериной II в 1785 г. Окончательная же ликвидация крепостничества для посадских слоев относится к 1860-м гг., когда мещане, составлявшие на тот момент около 90% всех горожан, полностью избавились от признаков крепостной зависимости [Там же, с. 385-386].

Казённые крестьяне освобождались преимущественно в два этапа: 1837-1839 гг. – реформа П. Киселёва; 1866 г. – окончательная отмена крепостного права для указанной категории населения. Процесс уничтожения крепостных отношений для владельческих крестьян имел более длительную историю и более сложный характер. Базовыми реформами этого направления следует считать Указ о трёхдневной барщине 1797 г., Указ о вольных хлебопашцах 1803 г., Указ об обязанных крестьянах 1842 г., Манифест об отмене крепостного права 1861 г., Постановление о переводе временнообязанных крестьян на обязательный выкуп 1881 г., ликвидация выкупных платежей в 1907 г.

Таким образом, для большинства слоев и сословий российского населения окончательным рубежом на пути отмены крепостного права стали 1860-е гг. Это десятилетие отнюдь не является случайным. По мнению Б. Н. Миронова, середине XIX века невозможно признать окончательной временной точкой, когда крепостничество полностью исчерпало возможности для своего развития. Полемизируя с советскими историками, он отстаивает следующую позицию, которая считается и нами вполне убедительной: «Таким образом, не исчерпав всех экономических возможностей крепостного права и не доводя его до состояния внутреннего разложения, верховная власть под воздействием требований прогрессивной общественности и самого крестьянства, а также в силу государственной потребности в модернизации и более глубоком усвоении европейских культурных, политических и социально-культурных стандартов в 1860-е гг. наносит удар по всему институту крепостничества» [Там же, с. 414].

На наш взгляд, отмена крепостного права и дальнейшее развитие социальной модернизации имели в качестве основной другую причину: ею являлась Крымская война 1853-1856 гг. Необходимо отметить редкое единодушие среди советских, современных российских и зарубежных историков в том, что этот международный конфликт вызвал одну из основных реформ в сложном процессе ликвидации крепостных отношений в Российской империи – отмену крепостного права для владельческих крестьян в 1861 г. [3, с. 192-193; 5, с. 360, 414; 14, с. 129].

Несмотря на то, что Крымская война является одним из этапов в длинной череде русско-турецких войн XVIII-XIX веков, она имеет одну существенную особенность – это активное явное участие Великобритании и Франции в боевых действиях на стороне Турции. Если во время предыдущих военных конфликтов между Россией и Турцией, а также в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. крупнейшие западноевропейские страны предпочитали действовать и добиваться своих целей при помощи преимущественно дипломатических мер, то высадка десанта на Крымском полуострове, а также регулярные угрозы Петербургу, Архангельску и Петропавловску-Камчатскому со стороны союзнического англо-французского флота характеризуют этот внешнеполитический конфликт совсем другим образом. Крымскую войну следует расценивать как очередную «Вызов» западной цивилизации к Российскому государству на пути перехода от аграрного общества к индустриальному. Восточная война 1853-1856 гг. имела ещё две необходимые черты для подобной интерпретации: 1) региональный масштаб боевых действий; и 2) общее, итоговое поражение России. Из крупнейших военных конфликтов второй половины XIX века с участием Российского государства можно выделить ещё русско-турецкую войну 1877-1878 гг. и присоединение Средней Азии к России, но они прошли без активного вмешательства западноевропейских держав, носили локальный характер и закончились победой Российской империи, потому влияния на процессы российской модернизации не оказывали [9].

Известный военный историк Керсновский связывал поражение в Крымской войне, в первую очередь, с неверной политикой Священного союза, нерешительностью действий Николая I во внешней политике накануне войны и во время военной кампании 1853 г., а также некачественным командованием русскими войсками в период боевых действий [1, с. 153-160]. Но общая отсталость Российской империи, в сравнении с промышленным и техническим превосходством Великобритании и Франции, тоже не должна сбрасываться со счетов [14, с. 129]. «Но хотя у Николая Павловича вообще армии было около миллиона человек, мы не могли справиться с этими семьюдесятью тысячами – отчасти благодаря хаотическому состоянию военного хозяйства и отсталости нашего вооружения, отчасти благодаря отсутствию удобных путей сообщения, отчасти благодаря поразительному отсутствию подготовленных и привыкших к самостоятельному ведению дела военных вождей и генералов», – такой вердикт вынес на этот счёт известный исследователь российской истории XIX века А. А. Корнилов [3, с. 200].

Одну из основных причин поражения русских войск в русско-турецкой войне 1853-1856 гг., безусловно, следует видеть в существовании крепостного права. Потому его отмену спустя короткий период времени после подписания Парижского мира в 1856 г. необходимо трактовать как прямое следствие Крымской войны.

Итогом уничтожения крепостных отношений стало ускорение процессов социальной модернизации России. Но этому способствовала не только ликвидация крепостничества, а также вызванные ею дальнейшие либеральные реформы 1860-х-1870-х гг. [Там же, с. 256-263]. Именно комплекс преобразований, в который входили кроме крестьянской реформы 1861 г. ещё и земская и судебная реформы 1864 г., реформа городского самоуправления 1870 г., военная реформа 1874 г., явился главенствующим фактором в деле ускорения темпов социальной мобильности и урбанизации. Однако эта перестройка различных сторон жизнедеятельности общества привела к уничтожению государственного и частного видов крепостного права,

корпоративный же сохранялся в своей основе для большинства российского населения вплоть до начала XX века и значительно замедлил наметившиеся процессы.

Б. Н. Миронов в целом отмечает очень медленное изменение структуры российского общества на протяжении всего императорского периода [5, с. 129]. Он также фиксирует крайне низкие темпы уровня социальной мобильности в XVIII – первой половине XIX века. По его мнению, этот период был отмечен окончанием процесса формирования сословий в России и началом их раскрепощения [Там же, с. 140-141].

Вторая половина XIX века ознаменовалась исчезновением сословных привилегий в российском обществе и постепенным переходом от сословной структуры к классовой. Уровень социальной мобильности в этот период существенно повысился. Об этом свидетельствуют увеличение количества дворянства и городского сословия и уменьшение доли духовенства и крестьянства в социальном составе российского населения («Между тем доля дворянства в населении в 1913 г. находилась на том же уровне, что и в 1858 г. (1,5%), доля духовенства понизилась с 1 до 0,5%, доля городского сословия возросла с 7,3 до 17,6%, а доля крестьян уменьшилась с 82,7 до 80,1%») [Там же, с. 137, 141].

В развитии указанной тенденции параллельно можно выделить процесс урбанизации. Но его уровень был крайне медленным. Так, за период 1856-1914 гг. доля городского населения возросла всего на 6,3% (с 9 до 15,3%). Причинами этого являлись сохранение крестьянами после реформы 1861 г. определённого земельного фонда, рассеянный характер российской индустриализации, а также особенности приобретения сельскими поселениями статуса города (не в результате достижения определенных количества населения, уровня промышленного и торгового развития, а по правительственному указу) [Там же, с. 317-318]. Здесь ещё следует отметить и особые условия проведения крестьянской реформы 1861 г.: освобожденные крестьяне не имели права в течение первых девяти лет отказаться от своего надела (временнообязанное состояние); сохранение корпоративного крепостного права через существование подушной подати, гарантом взимания которой служили круговая порука и паспортная система (фактически консервировавшие крестьянскую общину) [3, с. 224-225].

Таким образом, процессы российской модернизации, начавшиеся в первой четверти XVIII века под влиянием Северной войны, по-прежнему продолжали обуславливаться военным фактором и во второй половине XIX века. Крымская война 1853-1856 гг. явилась основной причиной начала процессов активной социальной модернизации России, потому этот военный конфликт следует рассматривать как «Вызов» западной цивилизации к российской (славянской). Переход от аграрного общества к индустриальному в социальном плане проявился в виде существенного роста социальной мобильности и урбанизации, по сравнению с предыдущими периодами. Однако темпы основных социальных процессов при формировании основ индустриального общества в Российской империи были невысокими относительно крупнейших индустриально развитых мировых западных держав, что наводит на мысль о необходимости последующих «Вызовов», в качестве которых могут рассматриваться русско-японская и Первая мировая войны, имевшие место соответственно в 1904-1905 и 1914-1918 гг.

Список литературы

1. Керсновский А. А. История русской армии: в 4-х т. М.: Голос, 1992. Т. 2. 336 с.
2. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. 476 с.
3. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.: Высш. шк., 1993. 446 с.
4. Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40-56.
5. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
6. Модернизация России и Европа [Электронный ресурс]: материалы круглого стола, проведенного 18.03.2004. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 27.03.2013).
7. Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы [Электронный ресурс]: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17-19 июля 2011 г.). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. 346 с. URL: <http://www.altstu.ru/media/f/modern.pdf> (дата обращения: 27.03.2013).
8. Самохин К. В. Многоликая война // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). Ч. 2. С. 81-83.
9. Самохин К. В. Модернизация, Первая мировая война и Россия // Гуманитарные науки: проблемы и решения: межвузовский сборник научных статей / под ред. А. А. Слезина. СПб.: Нестор, 2006. Вып. 4. С. 156-180.
10. Самохин К. В. Процессы модернизации в послепетровской России XVIII века [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 9 (17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/samokhin.pdf> (дата обращения: 27.03.2013).
11. Самохин К. В. Процессы российской модернизации в конце XVIII – первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 9 (17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/samokhin.pdf> (дата обращения: 27.03.2013).
12. Самохин К. В. Северная война: первый опыт российской модернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). С. 180-185.
13. Самохин К. В. Трансформации крестьянского менталитета в годы Первой мировой войны (на материалах Тамбовской губернии) // Первая мировая война: поиски подходов к исследованию, приглашение к диалогу: доклады Академии военных наук (военная история). Саратов, 2006. № 5 (23). С. 249-255.
14. Тимошина Т. М. Экономическая история России: учебное пособие. М.: Информационно-издательский дом «Филинь»; Юридический дом «Юстицинформ», 2001. 432 с.

SOCIAL MODERNIZATION OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE FIRST YEARS OF THE XXTH CENTURY

Samokhin Konstantin Vladimirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
kon-sam@yandex.ru

The author studies military factor as a mechanism for the Russian social modernization in the second half of the XIXth – the first years of the XXth century, sets a goal to conduct the analysis of the Crimean War influence on the Russian Empire transition from an agrarian society to industrial one in social aspect, pays attention to the necessity of modernization processes organic nature in Russia as the key to their successful implementation, and comes to the conclusion that the Eastern War of 1853-1856 became the next “Challenge” that determined the continuation of Russia’s modernization, especially social one, which became apparent in the increase of social mobility and urbanization among the Russian population.

Key words and phrases: the Crimean War; modernization; social modernization; Russia; mechanism of the Russian modernization; organic Russian modernization; military factor.

УДК 101.1:316:004

Философские науки

В статье рассматриваются два основных типа «виртуальной реальности»: естественная и искусственная. Автор делает вывод, что сознание творца (ученого, художника, автора, оператора, информатора) является подлинным генератором как естественной, так и искусственной виртуальности. Различают их лишь установки и способы генерации. Первая, познавательная установка – установка на дескрипцию в науке, описание, на истину (соответствие теории истине). Вторая – это проективное отношение сознания к миру, проявляемое в практической деятельности человека.

Ключевые слова и фразы: виртуальная реальность; естественная виртуальность; искусственная виртуальность; возможность; свобода; смысл.

Саяпин Владислав Олегович, к. филос. н.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
vlad2015@yandex.ru

ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОЗНАНИЯ КАК ОБЩЕЕ ОСНОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ[©]

Культура во второй половине XX века в своих многообразных проявлениях продуцирует идею множественности реальностей. Эта множественность предстаёт перед человеком в различных установках сознания и формах деятельности человека: научное и быденное сознание, искусство и повседневная жизнь, техническое творчество, религиозное послушание – всё это разные способы вхождения в мир, разные картины реальности.

Классическая установка на поиски единой и уникальной реальности, равной, общепринятой для всех, в наше время испытывает кризис. Множество реальностей стало девизом современности.

Философия как отражение культуры не могла пройти мимо этого вызова культуры. Концептуальным ответом на него стала идея виртуальной реальности. Последняя и мыслится, прежде всего, как реальность, существующая за пределами налично существующего, как множественность, преодолевающая единичность данного в опыте человека.

Разработка философского понятия виртуальной реальности в настоящее время находится только в начале пути. Дискурс о виртуальной реальности в современной философии свидетельствует о значительном идейном разброде в разработке этого понятия, наличии разноплановых подходов к его пониманию. Этот разброс и дискурсивность словосочетания «виртуальная реальность» в значительной степени обусловлен разными её предметностями, сферами воплощения, концептуальными определениями. Одни философы ищут основу для новой идеи в науке, другие – в искусстве, третьи – в компьютерных технологиях, некоторые – в религиозных и мистических началах, пятые – в изменённых, пережитых и пограничных состояниях сознания. Следует осознать, что философия, пытающаяся концептуализировать новое понятие, находится, скорее, в стадии осмысления феномена «виртуальной реальности», чем в стадии сформировавшихся готовых решений.

Если признать, что философия лишь наметила и обозначила новую тему исследований, ввела ее в центр философских дискуссий, то от неё не следует ждать пока общезначимого понимания «виртуальной реальности», некоей единой общепринятой дефиниции. Более того, попытка сформировать на данном этапе общепризнанное философское понятие «виртуальной реальности» чаще всего оборачивается подавлением множественности